

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПО-ПРЕЖНЕМУ МНОГОЕ ДЕЛАЕТ (интервью с Ж.Т. Тощенко)

Аннотация. Прошло пять лет с момента прошлого юбилея Ж.Т. Тощенко. В нашем динамичном, быстро текущем времени это очень немало. Но все же главное во времени – это его заполнение, наполнение, «плотность». Оценивая сделанное Ж.Т. Тощенко, можно с уверенностью сказать, что его пятилетие было весьма плотным, его личное время оказалось будто растянутым. И важно подчеркнуть, это не только продолжение и развитие исследований прошлых лет, есть серьезный задел и для новых. В последние годы наша с Жаном Терентьевичем переписка не прерывалась, я старался держать его в курсе моего историко-социологического исследования, он писал о направлении его поисков и главных результатах. Задумав продолжить мой рассказ о нем пятилетней давности, мы обменялись несколькими письмами о проделанной Тощенко работе. С ними я и хочу познакомить читателей. Обсуждаются результаты исследований такого феномена, как прекариат, взаимоотношения между властью и обществом на основе коррекции общественного договора, акцентируются проблемы общества травмы. В интервью Тощенко предстает как исследователь, идущий от эмпирики к теоретико-методологическим обобщениям.

Ключевые слова: жизненный мир • социология жизни • парадоксальность • прекариат • общественный договор • эффект колеи • историческая справедливость • общество травмы

DOI: 10.31857/S0132162525010029

Начиная этот текст, я неоднократно перечитывал написанное мною к 85-летию Ж.Т. Тощенко [Докторов, 2020]. На мой взгляд, в нем переданы глубокие жизненные установки и устремления Тощенко. Во-первых, Жан Терентьевич не изменил себе, он остался, как и в далеком крестьянском детстве, в юности, заряженным на дело, голодным до работы. Во-вторых, по его воспоминаниям, еще при работе над дипломным проектом он ощутил «реальное дыхание истории». Даже анализируя названия книг и статей Тощенко, можно утверждать, что у него сохраняется такое ощущение динамики социальной проблематики. В этом проявляется не только Тощенко-социолог, свыше полувека наблюдающий окружающий его мир, не только Тощенко-редактор, который более 25 лет возглавлял наш старейший профессиональный журнал «Социологические исследования», но и Тощенко-историк, в свое время осознанно выбравший историю в качестве своей профессии.

Б.З. Докторов. Жан Терентьевич, наше пятилетней давности нестандартное освещение (полуинтервью-полубиографический анализ) сделанного тобой завершилось в точке начала разработки тематики прекариата – нового и быстро развивающегося во многих странах и в России социального явления. Прекариат рассматривался тобой в рамках эвристической концепции «социологии жизни». Что в целом удалось сделать в области познания прекариата? Есть ли в стране исследовательские коллективы, исследующие эту проблематику?

Ж.Т. Тощенко. Идеи первой монографии «Прекариат: от протоклассу к новому классу» [Тощенко, 2018] были развиты и дополнены в серии коллективных трудов, увидевших свет под моей редакцией (см.: [Прекариат..., 2020; Прекарная занятость..., 2021; От прекарной занятости к прекаризации..., 2022; Жизненный мир работников труда, 2024]). В этих работах на основе всероссийских социологических исследований 2014–2022 гг. рассмотрены

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (zhantosch@mail.ru).

теоретические и прикладные основы прекариата – мало известного до этого россиянам явления в нашей социально-экономической структуре. Определены его критерии, формы проявления в зависимости от сферы экономики и культуры. Такой подход позволил выявить наличие прекарности во всех без исключения областях профессиональной занятости, в том числе и интеллектуального труда. Было обнаружено, что прекарность касается не только труда, занятости – она влияет на состояние других сфер жизни человека. Исходя из концепции «социологии жизни», в исследования прекариарности было введено ее ключевое понятие, позволившее оперировать таким теоретическим и эмпирическим показателем, как жизненный мир. Это оказалась удачная эвристическая находка, позволившая дать объяснение жизненного мира прекариев с учетом современных условий его существования, его особенностей с точки зрения экономических, социальных и политических отношений. Были выявлены общие и специфические характеристики жизненного мира ряда крупных социальных общностей: рабочих, инженерно-технической интеллигенции, крестьянства, работников сферы образования, науки и культуры. Дано описание жизненного мира с позиций гендерного подхода, людей старшего возраста, повседневной жизни россиян. Следствием этого удалось выявить как позитивные, так и проблемные его черты, характерные для современного жизнеустройства россиян.

Отмечу, проблемы жизни прекарита в настоящее время стали постоянной темой обсуждения на всех встречах (конференциях, круглых столах), которые касаются социальной структуры, труда и занятости. Это характерно и для многих наших зарубежных коллег, число публикаций которых по этой теме стремительно растет. В целом, можно констатировать, что эта проблематика прочно вошла не только в лексикон современной социологии, но и стала одним из устойчивых трендов в проведении исследований.

В нашей трактовке прекарности значимы следующие признаки: а) имеет ли работник трудовой договор или трудится на основе устной договоренности; при отсутствии договора – это полная правовая незащищенность; б) оплата труда в конверте (полностью или частично); это уход работодателя от уплаты налогов, что для работника бывает предпочтительнее, особенно молодежи, так как он получает большую оплату труда, но это в дальнейшем оказывается на размере пенсий; в) частая смена места работы – 2–3 раза за последние три года работы при полном несоответствии образования и реальной занятости; г) отсутствие социальных гарантий (нет оплаты отпуска, больничных листов, нет оплаты при вынужденной остановки производства и др.); д) признание, что они никак не могут влиять на принятие решений на дела своей организации; е) неуверенность в своем будущем (угроза увольнения, безработицы). Некоторые добавляют продолжительность рабочего дня более 8 часов, но это оспаривается. Мы устанавливаем и уровни прекарности. Кому-то присущи один – два признака, кому-то – три – четыре, а кому-то все перечисленные. Если считать всех, учитывая хотя бы один признак, то по нашим подсчетам, численность прекариев достигает 45–55% занятых в зависимости от отрасли.

Б.Д. Неужели в стране, где несколько поколений жило и трудилось в условиях социальной защищенности, в настоящее время каждый второй работающий – прекарий? А какова судьба такого ключевого в недавнем прошлом понятия социологии труда, как трудовой коллектив? Есть ли теперь в России такое явление, как «трудовой коллектив»? И что характерно для них? Каково их будущее?

Ж.Т. Я редко стал использовать понятие «трудовой коллектив», заменив словом производственная организация или просто организация. Хотя его продолжают употреблять, но скорее в социально-психологическом смысле, как соблюдение и поддержание хороших отношений между коллегами и с непосредственным руководителем. Других каналов его влияния на управление нет, как в советское время. Тем более что и профсоюзы не имеют авторитета (надеются на него всего 4–6%).

Б.Д. При анализе прекаризации жизни в ваших книгах в обсуждении социально-психологических аспектов занятости было приятно встретить ссылки на работы моих давних ленинградских коллег Е.С. Кузьмина и Б.Д. Парыгина. Они имели

возможность исследовать отношения на производстве в условиях достаточной стабильности общественных отношений.

Ж.Т. Прекаризация труда, а затем и других сфер жизни человека начинается с официальной позиции государства по установлению соответствующих идеологии социально-экономических отношений. Поэтому при всех ошибках, недостатках, просчетах (а их было немало) советской политики по отношению к труду не было такого отчуждения и ограничения, которое реально начало формироваться в 1990-е гг. в связи с принципиально другими установками государства. Сравните: в Конституции СССР провозглашалось «право на труд», согласно которому гарантировалась занятость каждому человеку (хотя занятость была весьма разной). В Конституции РФ в статье 37 пишется: «Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию». Как видно, это принципиально разные установки. Таким образом, гарантированной занятости нет, в результате чего с работником можно (не)заключать договор, можно манипулировать с зарплатой, с социальной защитой (отпуск, отдых, больничные листы). И число работников с такой законодательно нефиксированной занятостью стремительно росло, так как из 44 тыс. приватизированных предприятий 30 тыс. были закрыты, миллионы получили «право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию». А это вылилось в уход в случайную занятость, привело к потере профессиональных навыков, усилилась зависимость от предлагаемых условий владельцев частной собственности, от бизнеса, которые в свою очередь не всегда были уверены в своей устойчивости. Это коснулось и многих слоев интеллигенции, особенно в сферах образования, науки, культуры, так как в результате политики оптимизации наряду с сокращением их численности (например, в науке число научных работников уменьшилось вдвое, а преподавателей – на 20–25%), а также резко выросшей нагрузки для оставшихся, массово распространялась практика краткосрочных договоров, что ставило под сомнение стабильность социального и трудового положения и уверенности в своем будущем. Т.е. если понятие «пролетариат» касалось рабочего класса, то прекариат – всех без исключения социально-профессиональных групп.

Б.Д. Мне кажется, что состояние людей и общества в целом на фоне прекаризации можно полнее понять из романов немецких и японских писателей о драматизме послевоенной жизни, когда были разрушены, потеряны традиционные социальные ориентиры и наблюдалось обезличивание индивида. В какой мере мое суждение верно? Отражены ли те или иные аспекты российской прекаризации в отечественной литературе и кино? Советская литература сохранила для многих поколений процессы индустриализации и коллективизации (становление рабочего класса и колхозного крестьянства), сейчас трудно сказать, как будет проходить прекаризация, но современное искусство не должно пройти мимо этого процесса. Многие грани сознания и стороны быта оно отражает глубже и ярче социологии.

Ж.Т. Что касается литературы и кино, я выскажу весьма спорное утверждение: в отличие от ситуации 1930–1950-х гг., когда появились много произведений о жизни рабочих и крестьян, в 1990–2000-е произошло иное. Если в советские годы, наряду с пропагандистскими штампами были весьма объективные рассказы, повести, романы о сложнейших и тяжелейших условиях труда и очень скромной и даже скучной жизни рабочих как у И. Эренбурга «Второй день» или у М. Шолохова в «Поднятой целине» об очень неоднозначной и даже трагической жизни крестьянства. В 1990-е гг. эти и подобные произведения были заклеймены под таким ярлыком, как «производственная проза» с разгромом тех писателей, которые размышляли на эту тему: Ф. Гладков, В. Катаев, К. Паустовский, Л. Леонов, А. Беляев, Н. Ляшко, А. Малышкин, Ю. Крымов, у которых все творчество характеризуется высоким уровнем художественности.

Но клеймо «производственного романа» как основой формы соцреализма оказалось настолько впечатляющим, что, на мой взгляд, российские писатели отвергли это направление (за исключением Ю. Полякова) и сосредоточились на ином: одни – на детективах

(я называю это бандиадой), другие – на разоблачении пороков советского прошлого, третьи – на изысках постмодернизма с его бессюжетным повествованием и даже на эзотерике. Особо отметим, что, провозгласив так называемый «новый реализм», его сторонники кинулись описывать пороки общества – алкоголизм, наркоманию, проституцию во всех его вариантах, полностью исключив позитивное из своего анализа. Не задумываясь, а есть ли что-то нормальное и возвышающее человека в текущей современности? А если и были попытки окунуться в производственную жизнь, это было изложение проблем организаторов и руководителей бизнеса во всех его вариантах, практически без всяких попыток спуститься ниже – а что же твориться с тем «контингентом», которым они управляют. Даже в тех случаях, когда производственная жизнь становилась объектом анализа, эта литература ограничивалась рассмотрением мира актеров, художников, издателей и других представителей художественной и спортивной интеллигенции.

Поэтому реальная оценка жизни основных групп народа получила анализ и освещение не в художественной литературе (в отличие от позиции их предшественников в 1930-е гг.), а в нескольких группах научной интеллигенции – социологов, экономистов, психологов. Именно они подняли пласти противоречивой ситуации значительного количества людей, положение которых существенным, а иногда коренным образом изменилось. Иначе и быть не могло. Они обратились непосредственно к тем, кого застигла волна не всегда понятных им изменений, что заставило основных тружеников производства сравнивать не с широковещательными обещаниями (например, с приватизацией и ее ваучерами), а с реально сложившейся ситуацией. И именно эти группы исследователей, окунувшись в повседневную жизнь, и прежде всего трудовую, описали ограничения, препятствия, проблемы, с которыми работники встречаются в процессе выполнения производственных обязанностей, а также последствия их взаимоотношений с окружающим миром.

Иначе говоря, шло медленное, но последовательное осмысление черт трудового, а потом и всего жизненного процесса работников самых различных производств и профессий. Назову их. Ситуацию на промышленном производстве анализировали социологии труда – Р.И. Анисимов, В.Е. Гимпельсон, С.Г. Климова, Г.Г. Татарова, А.Л. Темницкий, такие молодые исследователи, как В.Ю. Бочаров, Т.В. Гаврилюк и др. Анализ отдельных сторон жизни сельских тружеников осуществили П.П. Великий, В.Г. Виноградский, А.М. Никулин, Г.С. Широкалова. Рассмотрены проблемы отдельных профессий – педагогов (Г.Е. Зборовский, Д.Л. Константиновский, А.М. Осипов, Г.А. Чередниченко), научных (А.В. Юрьевич). Их анализ и выводы позволили подойти к более широким обобщениям с выходом уже на обобщающее понятие – прекариат, что нашло отражение в работах В.Н. Бобкова, З.Т. Голенковой, В.В. Каракаровского и О.И. Шкарата.

Поэтому выход на проблему прекариата подтверждает следующий вывод относительно генезиса научных понятий. Вначале зарождаются, формируются и развиваются отдельные фрагменты научного знания, затем уточняется и закрепляется понятийный аппарат, объясняющий и трактуяший его сущность и содержание. Иначе говоря, сначала формулируется не термин, а выявляются условия и обстоятельства его породившие, так как каждое понятие возникает как ответ на потребности познания естественно-природного и общественного развития.

Б.Д. В 2020 г. вышла твоя книга «Общество травмы: между эволюцией и революцией», которую естественно рассматривать и как продолжение, развитие сделанного в последние годы, и как заявку на разработку новой проблематики. За эти прошедшие четыре года, наверное, проявились оба типа тенденций: эволюционные и революционные. Не мог бы ты обозначить некоторые из них и предсказать их динамику на ближайшие годы?

Ж.Т. К сожалению, охарактеризовать развитие России (как и многих других стран) как эволюционное или революционное в настоящее время я не могу, хотя признаю желание и стремление правящих слоев попытаться решить многие назревшие вопросы на пути эволюционных методов, чему в России свидетельствует значительное количество

национальных программ и проектов, число которых постоянно увеличивается. И что характерно – растет их социальная направленность. Однако это не изменяет суть проблемы. Несмотря на отдельные позитивные изменения все остается по-прежнему. Почему? В научной литературе, особенно среди экономистов, есть понятие эффект колеи (path dependence – зависимость от траектории предшествующего развития) – разновидность мало и/или неэффективных устойчивых методов решения актуальных общественных проблем, связанных с высокими издержками трансформации ранее сложившегося социально-экономического положения. Именно в этой ситуации находится Россия, когда общественная и научная мысль настойчиво требует кардинального изменения существующего пути развития, но Россия не может выбраться из сложившейся колеи существования. Ведь с 2012 по 2022 гг. ВВП (внутренний валовый продукт) рос ежегодно на 0,9%, а бедность как была на уровне 12% населения или 20 млн человек, так таиной осталась, хотя по данным за 2023 г. она несколько уменьшилась. Т.е. продолжается **стагнация**, так как ее называется ситуация до 3% роста ВВП. Конечно, на развитие повлияли санкции, которые были введены против России с 2014 г. (после перехода Крыма в состав России) и особенно обрушившихся с началом СВО в 2022 г. Но, на мой взгляд, это замедление продиктовано больше тем, что осуществляемый неолибералами курс не оправдал себя. Ибо, как сказано в Эклизиасте (Библии): «по делам, а не по словам судите о них». Попытки исправить положение в виде ряда принятых мер (и достаточно значительных по внесению корректив в развитие экономики) пока показали весьма скромный, незначительный результат. Т.е. Россия не может «выпрыгнуть» из накатанной неолибералами колеи, хотя в общественном сознании многих людей, как показывают социологические исследования, крепнет убежденность – «поиграли в капитализм и хватит».

Но как покинуть эту колею? Пока вразумительных и действенных предложений и средств нет. Вернее, они высказываются и даже обсуждаются, но, убежденности, что они действительно могут коренным образом изменить ситуацию, нет ни у кого, даже у тех, кто это предлагает, потому что эти предложения нацелены на частичные решения, в то время требуется концептуальное видение проблемы дальнейшего развития страны. А этот путь требует больших принципиальных усилий, кардинальных институциональных изменений, чтобы преодолеть, а не подчиняться ранее сложившейся инерции, зависимости от траектории предшествующего развития. В случае долговременного непринятия этих мер ситуация грозит возможностью проявления и применения радикальных действий, далеких от эволюционного пути развития.

Б.Д. За последние годы тобой многое сделано, пожалуйста, поделись задумками на ближайшие годы?

Ж.Т. В настоящее время меня очень заинтересовала проблема общественного договора, которая в известном смысле порождена продолжением осмыслиения процессов появления на исторической арене нового класса – прекариата, а также глубинных сдвигов в российском (да и не только в нем) обществе, что нашло отражение в разработке такой проблемы, как общество травмы.

Напомню, что идею об общественном договоре как балансе интересов государства и народа активно развивали мыслители Эпохи Просвещения и прежде всего французские философы П. Гольбах, Ш. Монтескье и особенно Ж.-Ж. Руссо. Именно их называли провидцами, так как они предрекли французскую революцию в конце XVIII в. Внимание к установлению контактов с народом особенно возросло в XX в., когда было осознано, что отсутствие социального контракта с основными классами и общностями может привести к краху государства.

Изучение этого общественного феномена обнаружило актуальность исследования ситуаций, характерных для всех без исключения современных государств, в том числе и российского, – это взаимоотношения политической власти и народа, представленного общественно-политическими организациями, различными профессиональными, социальными, культурно ориентированными объединениями и огромным количеством

инициативных движений самого разного толка – от экологических до спортивных. И очевидно, что их рост, разнообразие и влияние возрастают. Как социолог могу сказать, что нормой стало постоянное внимание правящих сил к социологической информации (изучение общественного мнения, регулярные и эпизодические замеры настроений и ориентаций людей по многим вопросам публичной и приватной жизни). А почему? Просто интересно и любопытно? На всякий случай? Нет, это отражает осознание политическим, социальным и экономическим управлением, что именно люди, часто называемые народом, имеют реальную силу влияния на ход развития своей страны. Причем, оно часто осуществляется не открыто, а латентно, не всегда явно, но в то же время неизбежно. Что бы не говорили о принятии решений властвующие группы, ход исторического процесса пойдет именно в том направлении, к которому склоняется большинство людей. Даже в том случае, когда возможен обман народа, все равно оно аукнется восстановлением исторической справедливости, отражающей объективную тенденцию в развитии любого общества.

Считаю, что это актуальнейшая тема и не только потому, что она позволяет судить об устойчивости и стабильности того или иного государства, а потому, что это путь установления подлинной демократии, реализация на деле прав и свобод человека. Именно в этом направлении идет развитие человечества и всех составляющих его компонентов. Игнорирование этой тенденции чревато огромными издержками. Поэтому проблема общественно договора – это не только научная, но и злободневная практически значимая политическая задача. Эта мысль, по-моему, отражена в выходящей в этом году монографии «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации».

Б.Д. В какой мере в новых книгах ты остаешься историком? Где, в какие годы можно было прощупать, обнаружить слабые ростки, завязи «прекариатной» и «травматичной» проблематики?

Ж.Т. Я всегда в той или иной мере использовал свои исторические знания, так как я глубоко убежден, что многим социологическим исследованиям не хватает именно учета того, что было раньше, что возможно созревало в прошлом и как на это реагировали наши предшественники. Более того, такое привлечение знаний о прошлом помогает увидеть, как это прошлое или аналогичное изменилось, модифицировалось и даже превратилось в нечто иное. Именно такое сопоставление и дает пищу для размышлений. Прекарность появилась тогда, когда не только рабочий, но и интеллигент попали в принципиально иную, но схожую ситуацию: с ними не заключают правовой трудовой договор, зарплата произвольна, социальные гарантии (отпуск, отдых, лечение) отсутствуют, они не вовлечены в решение дел той организации или работодателя, на которого они работают и т.д. А такой подход нарушает и даже отвергает ранее существовавший подход – рабочий класс, интеллигенция рассматривались как нечто самостоятельное, определенное, устоявшееся.

Кстати, зачатки прекарности (сходство социального положения самых различных слоев) я обнаруживал ранее при исследовании общественного сознания, жизненного мира людей, парадоксальности и кентавризма еще в советские времена. Но надо было пройти еще путь по дорогам исследований, чтобы эти блестки и занозы при осознании результатов исследований превратились в более обобщенные понятия и умозаключения. И нынешнее исследование «Судьбы общественного договора в России» на 70–80% будет состоять из анализа реальных событий XX в.

Б.Д. В разговоре пятилетней давности ты назвал себя социологом труда и управления, ясное дело: и труд, и управление понимаются тобою широко и динамично. А в своих последних работах – серия книг о прекариате и общество травмы – ты тоже остаешься социологом труда и управления? Фокус на «труд» мне заметен, на «управление» меньше. Пожалуйста, проясни.

Ж.Т. Да, я больше занимался трудом. Ты правильно отметил, что я подходил к нему с более широких, обобщающих позиций, так как стал больше заниматься теоретическими

и методологическими проблемами. Именно об этом говорит моя монография «Социология жизни» [Тощенко, 2016], посвященная новой социологической концепции, которая давно зрела в социологии, а я претендую на ее обобщение и оформление. Поэтому я никого не обвиняю в ошибках и недостатках, показывая, что мои коллеги обычно занимались какой-то одной стороной жизни, не задумываясь о более широком взгляде на происходящее. Другая монография «Общество травмы» [Тощенко, 2020] – это тоже заявка на особый теоретический взгляд на историю общества, который поставил очень спорный вопрос: а разве можно говорить, что травма – это третья модальность развития наряду с эволюцией и революцией. При обсуждении такой постановки вопроса было много споров, особенно со стороны философов. По-видимому, ты согласишься с тем, что у меня теоретические обобщения, будь то парадоксальный человек, кентавр-проблема, фантомы, прекариат вырастали на базе эмпирии, т.е. эмпирика ставила передо мной вопрос: а как объяснить то, что происходит, если предлагаемые и прежние попытки объяснения не подходят? Я считаю, что именно такой подход – от эмпирии к теории – отличает меня от ряда моих коллег, которые берут существующие теории и их препарируют, развиваются, уточняют или отвергают и на этой основе строят свои теоретические размышления.

Б.Д. Жан, спасибо за развернутый ответ. Ты знаешь, я испытываю странные чувства, мысленно суммируя сделанное тобой, пусть лишь в одной нише – сфере труда. Глядя на библиографию твоих работ за 57 лет, можно заметить, что не во всех названиях твоих публикаций есть слово «труд», но ясно, что, скажем, анализируя проблемы социального планирования, ты не мог обойти вниманием сферу труда, более того, в те годы труд – в работах советских социологов – превалировал над другими сферами жизни людей, в том числе, при анализе вопросов соцпланирования. Могу предположить, что в целом твои книги содержат динамику трудовых отношений в СССР/России за полвека. Получается, что ты – единственный, кто рассмотрел труд от движения за коммунистический труд до прекариата. В те далекие годы никто не поверил бы в возникновение такого чуда, по Хрущеву мы семимильными шагами шли к коммунизму, но справедливо и обратное, кто сегодня поверит в существование движения за коммунистический труд? Если меня попросят сделать выбор, хочу быть в бригаде коммунистического труда.

Ж.Т. Об истории социологии труда в нашей стране можно посмотреть в монографии «Социология труда. Опыт нового прочтения» [Тощенко, 2005], в трех изданиях учебника «Социология труда»¹. В монографии и учебнике рассмотрены эволюция и кардинальные изменения в социологии труда, начиная с XIX в., от Тейлора и Форда (за рубежом) и Ленина и Туган-Барановского (в конце XIX в.), а затем и весь период советской власти и постсоветской России. Но и после труда присутствует в виде отдельных глав не только в книгах о прекариате, но и при анализе проблем крестьянства, интеллигенции, ученых. И в обобщенном виде в «Обществе травмы» [Тощенко, 2020].

Что касается движения за коммунистический труд, то это было время, когда я был первым секретарем Абаканского горкома комсомола, были две молодежные бригады – на швейной фабрике и на механическом заводе. Это в самом деле были молодые люди, искренне верящие не только в необходимость хорошего труда, но и активности во всем – в учебе (вечерней или заочной), в субботниках (и не только в апреле), в художественной самодеятельности, в спорте, в озеленении города и своих территорий. Они гордились этим, о них знали в городе. И что характерно, этим занимался только комсомол – даже горком партии не участвовал. Например, первые встречи участников этого движения открывал я как комсомольский секретарь, а при этом присутствовали и ничего не говорили ни первый секретарь горкома партии, ни предисполкома. Считалось, что это молодежное дело. И оно долгое время было таковым. Потом появились инициаторы в других коллективах, которые приходили к нам, с предложением создать такие бригады, звенья, участки.

¹ См., напр.: Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Социология труда. Учебник для вузов. М.: ЦСП и М, 2012.

Но потом пошло обюрокрачивание этого процесса. Сначала от профсоюзов, а потом и от партии. Началось искусственное их увеличение и этим был смазан эффект этого движения. Но первые годы – это было действительно олицетворение единства, искренних идей и желания добиться хорошего сочетания общественных и личных целей. Кстати, именно в этот период появились Университеты культуры – массовые лектории по тематике литературы и искусства, которые имели оглушительный успех и эффект: на эти лекции о художниках, писателях, ученых, архитекторах в городском доме культуры собирались 800–1000 человек. Люди сами шли, не надо было специально привлекать.

Б.Д. Спасибо, Жан, удачи, тебе!

Беседовал Б.З. ДОКТОРОВ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Докторов Б.З. Человек, который много сделал и многое делает (к 85-летию Ж.Т. Тощенко) // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 102–114.
- Жизненный мир работников труда: устойчивость versus прекарность / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2024.
- От прекарной занятости к прекаризации жизни. Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022.
- Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протоклассу к новому классу» М.: Наука, 2018.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005.

ДОКТОРОВ Борис Зусманович – доктор философских наук, профессор, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (bdoktorov@inbox.ru).

A MAN WHO STILL DOES A LOT (interview with Zh.T. Toshchenko)

DOKTOROV B.Z.*[,], TOSHCHENKO Zh.T.**[,]

*Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

**Sociological Department of the Russian State University for the Humanities, Russia

Boris Z. DOKTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Associate Fellow of the Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia; Honorary Doctor of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (bdoktorov@inbox.ru); Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of RAS, Scientific Director of the Sociological Department of the Russian State University for the Humanities; Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (zhantsch@mail.ru).

Abstract. This interview with prof. Zh.T. Toshchenko is a continuation of our series of conversations, conducted over the course of almost two decades and covering his entire life. The focus of the first part of the conversation is on discussing the topics and results of his research over the past five years, but then we touched on a more distant past. Toshchenko presented the conclusions of his large-scale theoretical and empirical study of the precariat. It was based on his concept of the "sociology of life", which made it possible to approach the explanation of the lifeworld of the precarious people. The next step was an analysis of contemporary Russian labor policy, in particular such a trend as the precarization of labor. The dominant role of labor in the life of Soviet society is reflected not only in the social sciences, but is also vividly presented in Soviet literature of that era. Hence, the question of reflecting the precarization of labor and other aspects of life of the population of Russia in contemporary art was natural. According to Toshchenko, criticism of everything that was called "industrial prose" in the 90s has resulted in almost complete disregard for this issue by today's writers. In the coming years, the hero of the day is focused on generalizing what has been done in the process of developing the problematic of the social contract. That it is necessary to identify and comprehensively analyze the dynamics of interests of the institutions of power and the people. Here the mechanisms for building a modern democratic society can be found. The results of the second part of the interview allow us to assert that Zh.T. Toshchenko is the only Russian sociologist whose works provide a half-century-long dynamic of labor relations in the USSR/Russia, from the movement for communist labor to the precariat.

Keywords: lifeworld, sociology of life, paradoxicality, precariat, social contract, rut effect, historical justice, trauma society.

REFERENCES

- Doktorov B.Z. (2020) A man who has done a lot and does a lot (by the 85th anniversary of Zh. T. Toshchenko). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 102–114.
- Toshchenko Zh. T. (2020) Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis). Moscow: Ves' Mir.
- Toshchenko Zh.T. (2016) Sociology of life: monograph. Moscow: UNITY-DANA.
- Toshchenko Zh.T. (2005) Sociology of labor: experience of a new reading. Moscow: Mysl'.
- Toshchenko Zh.T. (2018) Precariat: from the Proto-class to the new class. Moscow: Nauka.
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2020) *Precariat: formation of a new class*: collective monograph. Moscow: CSP@M.
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2021) Precarious employment: origins, criteria, features. Moscow: Ves' Mir.
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2022) *From precarious employment to precarization of life*. Collective monograph. Moscow: Ves' Mir.
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2024) *The life world of labor workers: stability versus precarity*. Collective monograph. Moscow: Ves' Mir.